

18+ АН ЭРФОЛЫГ

ВЛАДЛАК

Иван Эрфольг Владлак. Сага о любви и таинственном проклятье

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55850229
ISBN 9785005100276*

Аннотация

Все началось в небольшом городище страны Мирвских племен. Отправив жену и дочь в соседнее княжество, Антвей должен решить: что делать с... ведьмой. Канись, Орья, Ратенька... Древние имена навевают историю языческих предков. Здесь есть мистика, ужасы... Да-да, именно ужасы, закрученный сюжет и, конечно, любовь. Человек-волк – мистика, реальность или просто выдумка? Попробуем разобраться с самим автором. Скорее открывайте страницы книги – скоро вы все узнаете сами.

Содержание

1. Ведьма	6
2. Темница	11
3. Артушка	18
4. Инквизиторы	22
5. Схватка	26
6. Проклятый пепел	29
7. Волколак	33
8. Стая	39
9. Земля человека	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владлак

Сага о любви

и таинственном проклятье

Иван Эрфольг

Андрей Ермолаев *Дизайнер обложки*

Наталья Филимонова *Редактор*

Иван Загуменнов *Корректор*

© Иван Эрфольг, 2020

© Андрей Ермолаев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0027-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рожденный с проклятьем – изгнанник в пути,

Идущий по жизни... А что впереди?

Помеченный Тьмою, с клеймом на судьбе.

Готов к испытаниям и тяжелой борьбе...

Он с первого шага бежит в никуда.

Ему не преграда огонь и вода.

Большим добрым сердцем он видит свой путь

Оно лишь подскажет, когда повернуть.

Двуликий, как меч в борьбе света и тьмы.

Он станет ответом на голос мольбы.

Неважно, в чем сила: в руке иль клыках...

Судьба человека у волка в глазах.

...Мрак окутывал плотный зимний лес.

*Дыхание страха. Хруст корки снега под лапами. Оканье
старой совы.*

*И вот поляна, на ней невысокий холм. Волчонок поднялся
на него, посмотрел вверх на большой ярко-красный полуме-
сяц и, не видя в этом никакого смысла, вскинув морду, завыл.
Через несколько секунд далеко из-за горизонта послышался
точно такой же вой.*

– Значит, я не один... – подумал волчонок...

* * *

1. Ведьма

Зима в этом году была на редкость лютая. Не во всех домах и печи справлялись. Кузьмарь, стараясь не замечать мороза, выбежал из избы за дровами. Облезлый пес выскочил из будки в надежде схватить Кузьмаря за штаны, но цепь сделала свое дело, и Лузика развернуло хвостом вперед. Так происходило всегда, но Кузьмарь все равно вздрогнул и выругался:

– Тьфу ты! Черт цепной! До смерти напугал...

Кузьмарь уже было взял дрова и хотел идти домой, как вдруг услышал крики. «Что это, кому нейдется в такую погоду?» – подумал Кузьмарь и направился на голоса...

– Сжечь ведьму! Смерть нечистой! – слышалось из толпы, – канися нашего порчей своею хотела...

Понял Кузьмарь, что люд на площадь стекается и к самосуду дело идет.

«Знать, надо за канисем бежать!» – подумал он, бросил дрова и, подвязав под нос шарф, пошел к центру города...

Дом канися Антвея был славно сколочен, через замерзшие окна виднелся свет лампадки.

«Авось потушить забыли», – подумал Кузьмарь и, открыв калитку, направился к двери.

Три раза постучал, но никто не ответил. Тогда Кузьмарь снял варежки и стал греть ладони дыханием, а потом прижал

их к окну, дабы разморозить его краешек и заглянуть внутрь.

Темно-серые клубы дыма ходили по дому канися. Кузьмарь испугался, дыхание его участилось.

– Что же делать? Как быть-то? – в растерянности произнес Кузьмарь. И дела странные творились, и в дом канисенский врываться не пристало. На удачу мимо проходил Алошка, кузнецкий сын.

– Дед Кузьмарь, ты чего возле дома канисенского забыл-то? – спросил Алошка, подходя к калитке.

– Да вот, Лошка, пришел канися повидать и совета спросить, а у него дым черный в доме, – ответил Кузьмарь, показывая на окно.

– Как же дым? А ну, отойди! – сказал Алошка и побежал к окну.

Посмотрев, он увидел то же, что и Кузьмарь. Отпрянул назад, спрятал руку в рукав и с размаха ударил по стеклу. Через разбитое окно вытекал смоляной, черный дым и начал окутывать канисенский дом. Алошка был малым крепким и плечистым, весь в отца. Он схватился за раму и прыгнул в окно. Едва ему удалось открыть изнутри дверной засов, как неведомая сила выкинула его из дома.

Народ, минуту назад кричавший на площади, обернулся в сторону центра и побежал к дому канися. Увиденное ими не забудется никогда...

Дым из канисенского дома взлетел вверх над крыльцом и осел возле изгороди. В образовавшемся кольце соткался

образ девушки в платке и сорочке.

– Во имя Святителя и высших сил... Изыди! – повторял приближавшийся к дому поп Фирипп.

Услышав это, девушка из пепла и дыма сняла платок и мигом обернулась змеей; зашипела и после крестного знамения Фириппа растворилась в воздухе, потушив огонь во всех домах городища.

Люд застыл, несколько секунд никто не мог пошевелиться.

– А где же канись наш?! – крикнул Кузьмарь и побежал в дом.

Мужики направились за ним, пробежали по комнатам и нашли бездыханное тело Антвея.

– Умер канисюшка наш... – сказал кто-то из толпы.

– Из дома его нужно вытащить, – сказал Фирипп, – помогите!

Мужики вынесли из дому канися, его жену, дочь и ждали Фириппа. Старый поп упал на колени и начал молиться:

– Господи... Силы небес! Не веди на нас кару посылать и избави нас от темного...

После этих слов выглянуло солнце. Небо из серого и безжизненного превратилось в золотистое покрывало. Примерно в это же время народ, терпеливо ждавший исхода, услышал тяжелый кашель канися, глубокий вздох его жены Орги и дочери Ратеньки.

– Святитель всемогущий! – крикнул Фирипп, показывая

пальцем в небо.

– Совет ваш, нужен канись. Что с ведьмой, вас заморозившей, делать будем? – обратился к Антвею Кузьмарь.

– Какой-такой ведьмой? – спросил Антвей.

– С полчаса назад мы ее поймали, одежду на себе рвала, кричала, ваше имя приговаривала, жены и дочери вашей. Сейчас в клетке сидит, мерзнет... – пояснил Фирипп, показывая на центр городища.

– Ну, пойдем! Посмотрим на ведьму твою, – произнес канись и хотел было встать, да подкосились ноги, и он упал набок.

– Может, до вечера оставим, батюшка? Отлежитесь? – сказал Алошка.

– И то правда! Никуда она не денется, – согласился канись.

– Вечером от костра светлее будет! – добавил кто-то из толпы и засмеялся.

Антвею подняли на ноги и, взяв под руки, повели в дом.

Канисенством было небольшое городище страны Мирвских племен. Располагалось оно между двух лесов с таинственными названиями Смаугтон и Андром. Правил городищем молодой канись Антвей. По законам Мирвских племен власть в городищах передавалась от отца к сыну, и до весны следующего года менять управителя было нельзя. Так и Антвею его чин достался от отца, а после года правления народ снова выбрал его на общем собрании, уже навсегда. На самом востоке страны располагался морской город Коли-

рай, а центром и столицей был Мирвград. На пути с запада в столицу между могучими лесами и располагалось канисенство Антвея, благодаря чему имело оно постоянную торговую связь и доход от проходящих купцов.

Он хотел уже нажать на курок, как волчонок поднял глаза и посмотрел на Антвея. Во взгляде щенка было все: любовь и власть, спокойствие и отчаянье, он как будто знал, что канись не сможет выстрелить.

* * *

2. Темница

Клетку с ведьмой перенесли в темницу. Это было холодное и сырое место. Каменные стены покрылись плесенью и мхом, с потолка капал растаявший снег. Запах сырости, как в картофельном погребе, постоянно щекотал нос. За мощной решеткой, которую ковал кузнец Фадор, сидела хрупкая, невысокого роста зеленоглазая девушка. На вид ей было весен двадцать. Прямые волосы свисали сосульками и обрамляли ее нежное миловидное лицо. На ней было много одежды: плотное платье с длинным рукавом, вязаная кофта и платок, меховая жилетка. На ногах были кожаные сапожки с твердой деревянной подошвой, что не каждый житель деревни мог себе позволить. Она прислонилась спиной к деревянной части стены и заснула.

Снились ей родные луга деревенского поселения, дым из труб многочисленных домиков, речка, извивающаяся среди просторных лугов и полей.

Разбудил девушку скрип двери темницы. Мерные звуки шагов говорили о приближении тяжелого и, наверное, высокого человека. Затем к ним присоединились мелкие шаркающие шаги. Девушка открыла глаза и увидела перед собой мужчину в шубе и большой меховой шапке, к нему подбежал маленький толстенький человек с крестом.

– Крестом вы мне не поможете, – произнесла девушка,

отрицательно мотая головой.

– Откуда ты и зачем пришла в наш край? – спросил канись. Девушка посмотрела сначала в чистые голубые глаза Антвея, потом отвернулась и стала рассказывать:

– С мужем мы жили уже пять лет, как перед Богом поклялись. В соседских домах ребятишки играют, а у нас никого. Люди добрые совет давали, что от недуга такого заговор есть, но знает его не каждая знахарка. Месяц прошел с того дня, как зашел к нам пастух Егор и говорит:

– Послушай, Артушка, в город мимо нашей-то деревни ведьма едет патарская, может тебе она помочь. Только надо скакать мужу твоему за ней, она сейчас в соседской деревне.

Поскакал туда любимый мой Итарушка, с утра умчался и до вечера не воротился...

Ночь к утру стремилась. Темень на улице, вышла на крыльцо, и сердце вот-вот выскочит... Проходила мимо бабка Маврена и говорит:

– Весть принеслась горестная из деревень соседских; о ведьме патарской, что проездом к канисюшке нашему ехала. Мужчин ихних обманом заманила, а наутро трех молодцов в озере местном нашли. И сердца в груди не было у них, знать, вырезал кто... Завтра отпевать будут поутру, на поминки звали.

– Да как же так, матушка, к ней же давеча Итарушка мой поскакал! – крикнула я и побегла в сарай отцовский за конем.

...Вьется грива конская по ветру, копыта оземь стучат, а Артушка на ухо коню приговаривает: «Неси меня быстрее к мужу моему на спасение, не останавливайся!»

Вошла Арта в деревню, а на улице никого. Час утренний давно, а будто спят все, только скотина по полю гуляет блудней; да без пастушка...

Видит она, в лесу костер кто-то жжет. Сердцем почуяла, что туда скакать надо. Через лес путаный, через поля некошенные пробиралась Арта к дыму. А на месте сем стог сена стоит – в огне полыхает, а поверх тело Итара лежит, догорает. Слезы полились из глаз девушки, жадной мести сердце запылало, и по следу кровавому пошла за ведьмой она.

Две версты проскакала и видит, как старая на коне Итарушкином к речке мчится. У реки коня оставила и на Арту смотрит. Несколько десятков шагов до ведьмы оставалось, когда сила неведомая сбросила Арту с коня.

Поднялась девушка, выхватила из ножен плетеных меч отцовский, размахнулась, и снова сила невиданная назад ее откинула. А меч в руках не удержался, в сторону ведьмы полетел, да в грудь ее воткнулся...

...Привезла я сердце любимого своего в деревню, да народу все рассказала. А люди мне и говорят, что тело старухино сжечь надо было, ибо дух черный и смерти не властен.

Поскакали мы на место то с батюшкой местным, а там никого.

Сорок дней прошло с того дня, как сны мне страшные

сниться стали. Днем себя чувствую, будто всю ночь не спала; а с полуночи не помню ничего. Так вот и поняла я, что ведьма телом моим завладела и ночью дела свои черные моими руками учиняет.

– Так что, добрый человек, ты меня не жалея. Как увидишь, что ночью я в старуху обернусь, так сожги ее, и не слушай слов и не верь, а останется что после нее, в землю закопай.

Выслушал канись Артушку, голову вниз склоня, выдохнул и сказал:

– Страшную ты мне историю поведала, но верить тебе верю. А с костром мы, пожалуй, подождем недельку-другую. Теплее станет, в Мирвград-столицу птицу справим, пусть совет дадут, что делать... А дворничьему скажу, чтобы крышу сегодня же поправил, сенца подстелил, да дровами печь одобрил – не топит совсем... Девка ты больно милая, жалко такую в костер.

– Как бы не пожалел, добрый человек, с лица воду не пить... – произнесла Арта и снова прислонилась к стене.

Выйдя из темницы, канись сначала зажмурился от слепящего снега, потом положил руки в карманы шубы и посмотрел вверх.

– Хоть бы ты мне совет дал... – произнес он.

Но затянутое плотной пеленой небо с мелькавшими кое-где проблесками солнца гордо молчало.

Антвей не забыл дать наказ дворничьему о темнице, и Фи-

риппу сказал, чтобы он письмо от его имени в Мирвград написал.

Ночь прошла тихо, без происшествий. На дворе по-прежнему было холодно, да так, что петухи в этот день с утра не голосили.

Ратенька, дочь канисенская, играла со своими соломенными куколками на кухонном столе, сидя на скамье напротив отца. Антвей маленькими глотками прихлебывал травяной отвар и смотрел в затянувшееся с краев зимними узорами окно. У него из головы никак не выходила Артушка, ему было глубоко по-человечески жалко ее. Молодая, красивая... за что с ней так распорядилась судьба...

Прошла ровно неделя с того дня. Мороз шел на убыль. За окном светило яркое желтое солнце. Кое-где от лучей даже начал таять снег.

Ощущение тепла в церкви создавал свет и запах многочисленных свечей. Но, конечно, основной жар исходил от печи. Фирипп сидел в своей комнате и думал, что написать Мирвским коллегам. Долго голову ломать не стал, да и места в письме – не разгуляешься; так и написал: «Поймали ведьму, нужен ваш совет...»

Обрадовавшись теплой погоде, на улицу повалил народ. Дети катались на санях с ледяной горки, играли в снежки, лепили снеговиков. Среди них была и Ратенька. Маленькие ножки заплетались в снегу, и она то и дело ныряла в сугробы носом. Но плакать не плакала, наоборот, ее лицо озарилось

чистой солнечной улыбкой.

Канись с женой стояли неподалеку и наблюдали за дочкой. Орья держала мужа под руку. Это была очень красивая и статная пара. Орья никогда не кичилась своим положением, намеренно не выделялась среди народа нарядами и украшениями. Она была одета в простую длинную шубу, а голову покрывал шерстяной платок, который она сама связала.

«Но! Тише! Стоять, чертяки!» – послышалось около дороги и показалась телега, запряженная двумя лошадьми. С телеги спрыгнул бодренький старичок маленького роста и стал спрашивать прохожих: «Где тут рынок находится?»

– Никак дары заморские привез! – воскликнул канись, – рынка нет у нас, а торговля вся на площади, там и ярмарку проводим, и гулянья. Откуда путь держите, с чем пожаловали?

– Дихон меня зовут, – ответил путник, – от города Тизулы путь держу через селения разные в Мирвград. Товар мастерский везу: ножи, стрелы, самовары. Вы, я вижу, канисенского рода... – посмотрев на перстень, добавил купец. – Какую плату возьмете за пребывание на площади торговой?

– Не нужна мне твоя плата, площадь у нас большая, на всех места хватит, – ответил Антвей, – ступай!

В это время Орья, супруга канисенская, к Антвею подошла и говорит:

– Антвеюшка, милый, отправь меня с купцом в Мирв. Город я великий посмотреть хочу и дочери показать!

Призадумался Антвей, руки в боки упер и сказал:

– А что, приставлю к вам двух молодцов в охрану, да товар нашенский соберем, авось и польза будет... Это если, конечно, купец не против будет...

Дихон развел руками и согласно кивнул головой.

...Надо было чуть-чуть подождать. Ведь в вое, который услышали маленькие серые ушки, было что-то родное... П слышался хруст снега – кто-то крался слева, потом справа, сзади. Вокруг появлялись серые морды матерых волков.

* * *

3. Артушка

Три дня спустя Орья с дочкой отправились в путь.

Антвей сидел у окна, лицо его было грустным. Видно было, что переживает он за семью свою. «Первый раз так надолго расстаемся, – думал Антвей. – Как они там без меня? Жаль, самому поехать нельзя – хозяйство не оставишь... Ладно, рассиживаться некогда, надо дела канисенские делать». И вспомнил тут Антвей про девушку, в темнице сидящую, про то, что обещался помочь. Встал канись и направился к Фириппу.

Войдя в храм, Антвей перекрестился трижды, поклонился и произнес:

– Где ты, спаситель мой небесный?.. Фирипп! Бросай книжки свои, разговор есть...

Из крестильни, где находился Фирипп, послышалось короткое:

– Ууу! Тут я... Кто пожаловал?

– Это я – Антвей, о девице темничной поговорить пришел.

– А что о девице, ответа я из Мирва не получил, скоро праздник большой; в гости к нам кто-нибудь приедет оттуда, вот и порешаем...

Подумал Антвей и говорит:

– Надо на улицу ее вывести, пусть прогуляется, а то света

Божьего давно не видела; забыла уж, наверное.

– Тебе решать, канись, по твою душу она здесь... Она бы тебя не пожалела, – ответил Фирипп.

– Ведьма и не пожалела, может быть, – согласился Антвей, – а милая девица здесь ни в чем не виновата.

На площади был разгар торговли, друг за другом бегали дети, слышались крики, смех... Только лицо канися было невесело, он шел в темницу и еще не знал, что скажет Артушке и сможет ли чем помочь ей. Антвей указал сторожевому на замок. Высокий и тяжелый Готап, приветствуя канися, неспешно достал из ботинка ключи и открыл сначала большой замок входной двери, потом решетку камеры Арты. Девушка спала, свернувшись калачиком, укрывшись большим шерстяным платком. Маленькое тело занимало ровно половину лежака в темнице, так, что там могла бы поместиться еще одна такая же девушка. Темница сильно изменилась с прошлого раза: с потолка не капало, постоянно горела керосиновая лампа, благодаря растопленной печи комнаты стали сухими и теплыми. Но с волей, чистым воздухом и солнечным светом сравнивать было нельзя...

Услышав скрип решетки, Арта открыла глаза, потом зажмурилась и, как маленький котенок, растянулась вдоль лежака.

– Здравствуй, Арта... – произнес канися, протянув свою руку к руке Артушки. Но вдруг увидел страшные раны на запястьях девушки.

– Что это? – воскликнул он, нахмутив брови и посмотрев на Готапа.

– Не мы это, батюшка, – отвечал сторожевой, – она к полуночи в старуху обратилась, на решетку лезла, руками о металл билась, вот и изувечила себя...

– Зря вы, канись, с кончиной моей медлите, только мучения мои продлеваете, – говорила девушка. – Вы костерок развели бы, всего-то делов.

– Костерок мы всегда развести успеем, – отвечал Антвей, – а вот света белого перед решением ты можешь и не увидеть. Так что собирайся, гулять пойдем...

Арта вышла из темницы, загородившись ладонью от солнца, сделала глубокий вдох и, пожалуй, первый раз за все это время улыбнулась. Сердце Антвея – молодое, сильное сердце – трепетало от увиденного. Он был рад каждому мгновению улыбки Артушки, каждому ее вдоху. Такого он не испытывал уже очень много лет, а может быть, и никогда.

Орья – его законная жена – была ему хоть и любима, но не по его воле взята. Отцовским уговором сватанная.

Антвей утопал в нежности Артушкиных глаз. Порой казалось, и дышать переставал канись.

Они стали гулять каждый день, говорили о жизни прошлой, о мечтах несбывшихся, а вечером Антвей провожал Арту обратно в темницу.

В этот раз Антвей прискакал к темнице на коне. Протянул руку Артушке, та вскочила на коня, обняла канись сзади,

и ускакали они далеко за горизонт. Только бабка Екросинья охнула им вслед и сказала:

– Загулял мужик, ой, загулял. Жену в путь справил и слабости мужицкой поддался...

Весна царила во всем: в чистых зеленеющих лугах, в разлившихся реках, переполненных талым снегом, и, конечно, в сердцах Арты и Антвея.

Словно шkodливые дети, спрятавшиеся от родителей, они сидели на большом камне возле леса и, укpывшись одеялом, наслаждались друг другом.

Чистой водой из хрустальных озер

Жажду свою утоли.

Светом небесным наполнится взор,

В душу свою посмотри.

Что там таится? Благое тепло?

Светлые мысли твои...

Думай о лучшем, дари всем добро,

Жизнь проживая в любви!

Если корыстью наполнены дни,

Тьма овладела душой —

Есть беспощадные стражи... Они

Скоро придут за тобой.

4. Инквизиторы

На следующее утро Антвей вышел из дома и хотел уж было вскочить на коня, как из-за забора выбежал Фирипп и поспешно обратился к нему:

– Здравствуй, Антвей, еле успел. Приехали инквизиторы из Мирва в ответ на письмо наше. Казнить ведьму приехали. Увидеть ее хотят и с вами говорить желают...

– Инквизиторы, говоришь? – отвечал Антвей. – Пойдем, поговорим с ними... Казнить они, значит, приехали...

Канись и Фирипп дошли до храма, где ждали гости из Мирва. Познакомившись, они направились к темнице. По дороге главный из инквизиторов, Ваздим, подробно опросил Антвея о случившемся. Также поведал, что приказ о казни девушки на основании того, что она ведьма, уже издан. И местные хозяева должны найти веские причины этого не делать. Канись, конечно, говорил, что девушка ни в чем не виновата и что можно подождать с казнью, поискать выходы. Но Ваздим был непреклонен.

Лицо инквизитора почти всегда было хмурым и напряженным. Это был красивый высокий мужчина, весен тридцати пяти от роду на вид. Темные волосы Ваздима были убраны назад и подвязаны в хвост. Одеты все инквизиторы были в черные мантии. От священнослужителей их отличало только наличие кожаных жилеток с пришитыми серебряны-

ми вставками и знак инквизиции на груди. Они зашли в темницу. У Антвея первый раз в жизни задрожали руки. Он очень переживал за Артушку. Привык, что решение всегда принимает он сам. А тут...

Ваздим зашел в камеру к Арте, поприветствовал ее и попросил всех выйти. Канись, Фирипп и еще двое инквизиторов расположились на лавке возле темницы. Там было всего четыре сидячих места, так что Готап остался стоять. Охранник был крайне недоволен подобным положением, переступал с ноги на ногу, сгибал и разгибал спину. Увидав это, канись отпустил Готапа со службы домой:

– Охранять здесь, кроме Артушки, все равно некого, а случится что – позовем. За час до полуночи воротись в темницу закрыть, – промолвил Антвей.

Ваздим вышел через два часа из темницы и обратился к Антвею:

– Слава Богу, что сами приехали мы, а не приказ прислали. Дела подобные подробнее описывать надо. Не ведьма она, а оборотень, колдуньей перерождаемый. С последней и говорить надо. Если любишь ты ее, то следи лучше, как бы не сбегла куда. А то, судя по рассказу, на тебя злобу колдунья держит и свой шанс не упустит.

Нахмурился канись, услышав слова Ваздима. Никак не мог понять, откуда тот узнал о чувствах его к Артушке? На душе стало немного легче, ведь казнь была отложена... Антвей велел Фириппу найти Готапа, чтобы тот закрыл тем-

ницу и приступил к охране. А сам тем временем пригласил гостей остаться в своем доме до полуночи, потрапезничать вместе, судьбу Артушкину обсудить...

Сумрак мягко и медленно ложился на улицы городища, прогоняя детвору с улиц в теплые дома. Конечно, большинство интереснейших игр маленьких мальчишек переносилось к кому-нибудь во двор, но и эта забава прерывалась заботливым и неизбежным: «...Иди-и до-о-мо-ой!» Мягкий свет заоблачного солнца освещал дом канися. Антвей и гости сидели за большим столом. Тетя Марифа готовила что-то, не отходя от печи. В доме уже с утра веяло таким вкусным ароматом, что гости с удовольствием отобедали и не с меньшим удовольствием отужинали. Из рассказов гостей стало ясно, что они много путешествуют и много повидали на своем веку...

– Последний раз, – говорил Ваздим, – были мы в маленьком селе у реки Колги, случайно проходили его. Мужик весен пятидесяти деваху молодую, в младшие дочери ему годящуюся, совратил. А когда она с пузом к нему через семь месяцев воротилась, ведьмой ее обозвал. Вес он в этом селе имел и словом своим многие дела решал, так что решил народ сжечь девку на вечернем костре. Хорошо, что мы подошли, в летопись оформили дело и казнь отложили. Недолго пришлось разбирательства проводить. Только мы с визитом к мужику в дом зашли, а его уже и след простыл. Испугался, значит. А причин девушку казнить мы за два дня не на-

шли, вроде крест животворящий носит, да и не походила она на ведьму.

Заговорились гости и совсем забыли об Артушке, полночь-то уже наступила!

Волны судьбы, как круги на воде,

Эхо шагов и решений...

Что бы ни бросил, признайся себе,

Вернется каскадом мгновений.

Каждый поступок и каждый твой вдох

Пишется в летопись жизни.

Лишь бы не встретить в ответ злой урок

Волн, обратившихся в брызги.

5. Схватка

Тем временем засыпающий возле темницы Готап сидел и думал в полудреме, как завтра с сыном на охоту пойдет. На глухаря. Сейчас самое время на глухаря идти...

Стон послышался из глубины темницы. Из того самого места, где сидела Артушка. Готап вскочил со своего табурета и полез за ключами. Открыл замок первой двери, спустился по лестнице и увидел в углу темницы лежащую Арту. Она держалась за живот и кричала:

– Отдай! Отдай!

«Бредит, наверное!» – подумал Готап.

– Дай воды, растяпа, – сквозь зубы произнесла девушка.

Готап отбежал к бочке, стоявшей справа от решетки, зачерпнул ковшом немного воды и только успел открыть клетку, как его откинуло к стене. Он поднялся с четверенек и увидел Арту. Она стояла прямо перед ним, глаза ее были темными, как ночь. Было ощущение, что они вообще отсутствовали. Готап хотел схватить девушку и воротить обратно в темницу, но руки его не слушались. Он сделал неловкий шаг вперед, прошел в клетку и упал на грудь. В смутном сознании он слышал, как кто-то забрал его кинжал из ножен и закрыл решетку темницы.

Гости уже покидали дом канися. Ваздим и два его помощника вышли во двор и ждали что-то искавшего в доме Ант-

вея. Канись копался в вещах своей супруги. Он искал теплые вещи для Артушки. В ту же секунду погас весь свет в доме, даже дрова в печи у Марифы задымились.

Тишина. Услышав звук разбитого стекла, Ваздим с собратьями кинулись в дом, но дверь перед ними закрылась. Он стукнул кулаком в дверь и выругался. Антвей обернулся, побежал к ножнам, которые висели на большом стуле, взялся за меч, но что-то откинуло его к окну. Марифа упала на колени и забормотала какую-то из молитв. Канись поднялся на левое колено, левая рука его была на полу, а в правой руке он крепко держал обнаженный меч. Свет Луны достаточно хорошо освещал и улицы, и дом. Антвей сумел разглядеть силуэт ведьмы возле окна напротив, в ее руке был кинжал.

– Что тебе нужно? Что я сделал не так? Почему я? – спросил Антвей.

– Что мне нужно?! – изумленно прошипела ведьма. – Да как ты смеешь спрашивать, что ты сделал? Ты убил его. Моего единственного, моего сыночка. Вы подкрались ночью, когда никто не ждал. И ты всадил в его грудь свой меч. А он никому ничего не сделал плохого, он лечил воинов...

– Ты ошибаешься, старуха, – отвечал Антвей. – Я никогда не воевал. Война с патарами закончилась, когда я был совсем маленьким. Отец мой воевал. Но...

– Врешь ты все! – крикнула ведьма и подняла кинжал над головой.

Как вдруг в окно с разбегу влетел один из помощников Ва-

здыма Седор и схватил ее сзади за шею одной рукой, а другой захватил запястье с кинжалом. Старуха попятилась назад, Седор сильно ударился головой и разорвал хватку, но кинжал выбить сумел. Дверь наконец отворилась, и в дом вбежали Ваздим и его второй помощник Итар. Они поспешили схватить ведьму, но та сделала шаг вперед, присела и ударила Ваздима промеж ног, протянула на себя Итара и жестко уложила на пол встречным движением руки. Словно белка по сосне, она метнулась на стоящий рядом стол, потом на пол и подняла кинжал.

– Смерть убийце! – крикнула старуха и побежала на канися. Антвей до последнего стоял в изготовке, а когда до него оставался всего один шаг, он сделал движение мечом снизу вверх и одновременно кувыркнулся вправо. Ведьма улетела в стену и без чувств упала на пол. Под левым боком старухи растекалась багровая лужа крови. У стены напротив тяжело дышал Ваздим, приходили в себя Итар и Седор, в углу вытирала слезы тетя Марифа. Бой был окончен.

Ветер из прошлого, страшные сны,

Кровь на холодном мече.

Павшие воины – все чьи-то сыны...

Плач в материнской душе.

Темной девицей приходит она.

И не хватает сил...

Духам ответить, что это война —

Дверь из открытых могил.

6. Проклятый пепел

Ведьму связали и понесли к центру площади. Антвей боролся с жутким желанием увидеть еще хоть раз милую Артушку. Он взялся за голову и произнес:

– Нет, лучше не надо! Конец неизбежен...

По дороге от дома до площади Антвей думал о последних двух месяцах, которые он провел с Артой. Если бы мог, он заплакал бы, но ком, стоявший в горле, мешал говорить, все тело казалось скованным. «Надо идти, – подумал он, – со дня на день придет Орья с дочкой... Они не должны ничего узнать».

Ведьму уже привязали к крестовине и вкапывали основание в землю, когда пришел канись. Она висела без сознания и истекала кровью. На минуту Антвей задумался о словах ведьмы, которые она сказала перед нападением. Он вспомнил, как через год после смерти отца должность главы ярмарочного совета досталась ему. Вспомнил свое участие в расследовании грабежей... Жестокая банда под названием «Степные волки» орудовала на торговых путях в то время. Их несколько раз выслеживали, но разбойники всегда чудом побеждали, даже когда преследователи превосходили числом. Пошли слухи о том, что с ними колдует молодой патарский маг, который одурманивает разум любого противника банды.

В ту ночь их выдал непотушенный костер. Собранный от совета отряд изучил повадки банды и застал их неподалеку от предполагаемого места нападения. Все знали, что если колдун проснется, то банду не победить, поэтому решили нападать ночью. Действовать нужно было тихо, и первыми в бой пошли лучники. Прошелестевшие в ночи стрелы убрали дозорных. Отряд рассредоточился по лагерю банды. Тихий подход был сорван внезапно залаявшими украденными щенками гончей породы. Из палаток выбежали воины банды и начался бой. Отряд Антвея уже побеждал, когда вдруг плотный туман окутал лес. Воины канися стали слепнуть. Из палатки в конце лагеря вышел молодой колдун Ягдын, одетый в кожаный плащ с капюшоном. Он шептал что-то на непонятном никому языке, и разбойники шли вперед. Гибель отряда Антвея была неминуема. Но туман рассеялся, и зрение вернулось к воинам канися. Поняв это, все участники банды обернулись, чтобы посмотреть на колдуна. Ягдын лежал лицом вниз. Из спины его торчал меч, за рукоятку которого держался канись Антвей. Он поставил ногу на тело колдуна, вытащил окровавленный меч и сказал: «Сдавайтесь! Вам не победить в честном бою...»

«Так вот про что говорила ведьма, – понял Антвей. – Ну и семейка!»

Крестовину с привязанной ведьмой обкладывали сухой соломой и ветками. Антвей подошел ближе, чтобы посмотреть на обезображенное множеством морщин лицо ведьмы.

Она резко вскинула голову и открыла свои черные глаза.

– Вспомнил! – утвердительно проскрипела она. – Убийца детей!

– Твой сын был черным магом... – ответил канись. – Он служил самым жестоким убийцам того времени, которые унесли жизни многих хороших людей. Ягдын был степным волком и умер, как подлый трусливый падальщик. И ты будешь сожжена. И не будет на земле нечисти, пока светлая память предков течет в нашей крови! Поджигайте!

Быстро вспыхнул сушняк возле крестовины, и пламя перебросилось на ноги ведьмы. Глаза ее стали красными, и она закричала, глядя прямо на Антвея:

– Волк, говоришь! Я проклиная тебя, Антвей! Всем своим черным духом! Силами подземными, нечистью ночной, в третьем роде родного заберу с собой, наряжу я волчьей шкурою всего, и не снять проклятие рода твоего... Ни святой, ни темной силою не снять...

Почти все тело ведьмы было охвачено огнем, и пламя подбиралось к лицу.

– Ты убийца детей! – крикнула она. – Знай это! Артушка-то твоего ребенка под сердцем носила, а ты их в костер!

От услышанного дыхание каниса участилось, он сделал шаг вперед, но путь ему перегородили Ваздим и Фирипп. Последний посмотрел на Антвея и сказал:

– Врет она, канись, ей-богу, врет. А если и правда это, то души их упокоятся, и не будет больше мучений и скитаний.

Ведьма полыхала огнем, она вскинула горящую голову вверх и расхохоталась громко-громко. Смех из преисподней сменился детским плачем, от которого сердце канися сжалось и по щекам потекли слезы. Крик затих, а Фирипп стал речитативом читать какую-то специальную молитву, которую ему привезли инквизиторы из Мирвграда.

Оставшийся после сожжения пепел сгребли лопатой и бросили в яму, залили Святой водой и закопали. Канись перекрестился, помолившись за душу Артушки и неродившегося ребенка, и пошел домой. Фирипп посмотрел вслед Антвею и подумал: «Главное, чтобы не запил мужик...»

...Волчонок мчался туда, куда бежали все. Большой овцебык отстал от стада собратьев, гонимых волками, но все равно бежал очень быстро, и никому из стаи не удавалось его догнать. Волчонок не понимал затеи, в груди трепетало радостное чувство. Вдруг мокрого черного носа коснулся запах влаги, летящий по ветру от убегающей жертвы. Этот аромат превратил ощущение радости в ощущение нестерпимого голода и жажды крови. Под шерстью пронеслись мурашки, мышцы наполнились силой, и волчонок рванул вперед...

* * *

7. Волколак

Прошло пятнадцать лет. За эти годы многое изменилось. Канисенство процветало. Через городища канисенства проходил торговый путь. Много купцов стали останавливаться здесь. Спросом пользовались места, где можно было поесть и переночевать. Мужчины трудились в лесу, а юноши занимались охотой или отправлялись с проезжавшими купцами в качестве охраны и помощников.

Дом канися стал еще больше. Народ любил Антвея и без напоминания платил дань в казну. У канисенства появилось свое войско, которое большей частью занималось охраной и проверкой торговых путей. Набор в войско был добровольным, потому что война до этих мест не доходила, а служба была престижной.

Все бы ничего. Все было бы спокойно и размеренно... Если бы не эта ночь...

Суэта и крики царили в доме канися. Старой Марифе стало плохо, и она, задыхаясь, села в плетеное кресло. Молодые служанки бегали по дому с тазиками. «Сейчас родит! Сейчас родит!» – кричали они.

На втором этаже в большой родительской палате лежала Ратенька. Живот ее был огромным. Она стонала, закрыв глаза, в полубредовом состоянии. За левую руку ее держала Орья, поглаживая лоб Ратеньки и пытаясь утешить. Пови-

туха Патьяна сидела в ногах Рати, иногда заглядывала под сорочку, хмурилась и тяжело вздыхала.

На разных лошадях к дому прискакали Антвей и муж Ратеньки по имени Ломан. В отличие от родителей Ратенька по своей воле вышла замуж. Ломан, будучи мальчиком, поступил на службу в войско к отцу. Отца Ломана звали Тирмон, он был другом Антвея. Именно Тирмон возглавлял набор и подготовку дружинников в прошлые годы. Не раз семьи собирались за одним столом, так и познакомились Рата и Ломан.

Спрыгнув с коней, Антвей и Ломан побежали в дом.

– Беги, узнай, что там! – сказал канись зятю, а сам остался воды испить.

Ломан ворвался в комнату к рожаящей жене:

– Ну как она? Жива?

– Типун тебе на язык с кулак размером! – окрысилась на Ломана бабка Патьяна. – Что ты городишь? Пошел отсюда, мужикам здесь не место... Жива твоя Рата, скоро разродится.

Растерянный Ломан спустился вниз к канисю. Антвей обернулся к зятю и спросил:

– Ну как там? Жива?

– Жива... – ответил Ломан и плюхнулся на стул.

Антвей налил себе еще воды и спросил:

– Патьяна мальчика нагадала. Как назвать хотите?

– Да, Владом мальчишку назвать хотели... Ратенька хочет

так, услышала где-то имя такое. Говорит, что хорошим владыкой будет... – ответил Ломан.

– Интересное имя... – одобрительно сказал Антвей. – Я такого и не слышал никогда. Ну ничего, сильное имя, помниться будет. Главное, чтобы хорошими делами помнилось.

Роды были тяжелыми. Несколько часов со второго этажа доносились крики Ратеньки. К глубокой ночи крик стих. Антвей посмотрел на зятя, тот заснул за обеденным столом. Канись не стал его будить. Антвей поднялся по лестнице, постучал в дверь, потом открыл. Мимо него пробежала молодая служанка.

– Я за Фириппом, извините... – сказала она.

– Что с Ратенькой? Зачем Фирипп? – посмотрев на Орьгу, спросил Антвей.

– С Ратей все в порядке... – ответила Орьга. – А вот ребенок...

– Что с мальчиком? – спросил Антвей, сделав несколько шагов вперед к тазу, рядом с которым стояли Орьга и Патьяна.

Орьга смотрела в удивленные глаза Антвея. Она взяла его за руку и сказала:

– Мы уже послали за Фириппом, он придет и все нам объяснит...

В тазу Антвей увидел не человеческое, а волчье дитя. Волчонок славно спал, свернувшись калачиком, и иногда облизывался во сне. Антвей попятился назад. В это время зашел

Фирипп. Канись посмотрел на него и спросил:

– Что это, Фирипп?

Святой отец подошел к тазу, посмотрел и сказал:

– О, Боже, это волколак... В простонародье – оборотень.

Нужно срочно писать в Мирвград...

– Да не надо никуда писать! – перебил его канись. – Это все ведьмины проклятия, помнишь? Ты можешь что-нибудь сделать?

– Я с нечистью не работаю, – ответил Фирипп и развел руками.

– Тогда никто, слышите!.. – обратился ко всем канись, – никто не должен знать! Я сам разберусь. А ребенок умер при родах. Так всем скажете...

Антвей взял подушку, снял с нее наволочку и, схватив щенка за шкирку, положил, как в мешок. Он спустился вниз, залез в кладовку, взял арбалет и вышел с волчонком во двор. Сел на коня, закрепив наволочку и арбалет на седле, и поспешил к окраине городища.

Он подъехал к темной окраине леса, дальше лошадь пройти не смогла бы, снег был очень глубоким. Антвей привязал коня к первому же дереву, взял наволочку с волчонком, арбалет и пошел в лес. Он дошел до старого больного дуба, вытащил из наволочки проснувшегося щенка и посадил к дереву.

Отойдя на несколько шагов, Антвей зарядил арбалет и прицелился в волчонка. Мысли путались в голове канися:

«...Владом мальчишку назвать хотели...»

«Это волколак!..»

Он хотел уже нажать на спусковой крючок, когда волчонок поднял глаза и посмотрел в глаза Антвея. Во взгляде щенка было все: любовь и власть, спокойствие и отчаянье, он как будто знал, что канись не сможет выстрелить.

И Антвей опустил арбалет. Он упал на колени и заплакал от бессилия. Волчонок хотел утешить его и маленькими шагами приблизился к канисю. Увидев это, Антвей крикнул на него:

– Пошел вон отсюда!

Это напугало волчонка, он попятился назад и поджал хвост.

– Иди отсюда, беги! – продолжал кричать канись.

Но волчонок еще сильнее прижимался к дереву. Тогда Антвей набрал снега в руки, слепил ком, бросил в щенка.

«Влад... Волколак... Влад... Волколак», – все звучало в ушах канися.

Он бросил еще несколько снежков и закричал:

– Чертов Владлак! Вот ты кто!

Снег попал щенку в правый бок, он взвизгнул и бросился бежать. А позади слышался плач канися и странное слово «Владлак!».

Какого бы рода ты ни был, пойми,

Где-то живет твоя стая.

Просто почувствуй их след и возьми,

Жизнь по страницам листа.

Северный ветер, что в стороны рвет,

Холодом грудь наполняет...

Стая тебя непременно найдет,

И твое сердце растает.

8. Стая

Мрак окутывал плотный зимний лес. Дыхание страха. Хруст корки снега под лапами. Оканье старой совы. И вот поляна, на ней невысокий холм. Волчонок поднялся на него, посмотрел вверх на большой ярко-красный полумесяц и, не видя в этом никакого смысла, вскинув морду, завыл. Через несколько секунд далеко из-за горизонта послышался точно такой же вой.

«Значит, я не один...» – подумал волчонок...

Только что родившемуся, ему было холодно и страшно в одиночестве. Волчонку стало грустно, он не понимал, кто он и зачем здесь...

...Надо было чуть-чуть подождать. Ведь в вое, который слышали маленькие серые ушки, было что-то родное... Послышался хруст снега – кто-то крался слева, потом справа, сзади. Вокруг появлялись серые морды матерых волков. Их глаза очень страшно светились белыми отблесками на фоне красной Луны. Они оскалили пасти и медленно подбирались к попятившемуся назад волчонку. В какой-то миг он остановился, в груди его стало жарко, его глаза стали темными, а потом в них засветились красные языки пламени. Он оскалится, и его маленькие клыки стали длиннее, а из пасти вырвался горячий серый дым.

Своим видом волчонок явно напугал окруживших его

волков. Сначала они перестали наступать, а потом и вовсе попятились от него.

– Оставьте его! Он такой же, как мы... – послышалась волчья речь за спинами волков. Это кричала Антара – дочь вожака стаи. Она прорвалась сквозь волчье кольцо, посмотрела на волчонка и спросила: – Как зовут тебя?

Волчонок закрыл глаза и опустил морду вниз, магия ушла. Его глаза снова стали сине-голубыми. Он посмотрел на Антару и ответил:

– Владлак! Так меня называли в последний раз...

– Пойдем со мной, Владлак... – сказала волчица. – У меня двое таких же, как и ты, волчат. Тепла хватит на всех.

И стая побрела в глубь леса к подножью малой горы. По дороге волчонок рассказал, что неизвестное ему существо кричало на него и бросало снегом, поэтому он убежал. Антара поняла, что он рассказывает о людях. Она подумала, что волчонок подобрал к себе какой-то охотник, убивший его родителей, а справиться с ним в доме не смог, вот и выкинул в лес.

Логово стаи было в лощине возле старой заброшенной пещеры. Там было очень много таких же, как он, волчат. Когда Антара кормила своих малышей, она позвала к себе и Владлака. Первый раз волчонок почувствовал вкус молока. Его смущали толкавшиеся рядом дети волчицы, но еды хватало на всех.

Любимого Антары уже месяц как убили люди. Он охотил-

ся близко к поселениям и напал на стадо коров. Это увидели местные охотники и загнали его. Мясо приносят братья Антары, но у них есть свои волчицы, и ей достается в последнюю очередь.

Так волчонок стал жить в стае. Он рос быстрее сверстников и уже через пару месяцев стал размером со взрослого волка. Волчонок несколько раз просился со всеми на охоту, но ему постоянно говорили, что он еще маленький.

В этот день Владлак знал, что взрослые волки пойдут на охоту. Рано утром он выбрался из пещеры и стал ждать добытчиков... Когда волки выбежали из логова, он помчался за ними. Они долго ходили и что-то вынюхивали, а потом быстро побежали из лесу, и волчонок увидел стадо больших диких овцебыков.

Волчонок мчался туда, куда бежали все. Большой овцебык отстал от стада собратьев, гонимых волками, но все равно бежал очень быстро, и никому из стаи не удавалась его догнать. Волчонок не понимал затеи, в груди трепетало радостное чувство. Вдруг мокрого черного носа коснулся запах влаги, летящий по ветру от убегающей жертвы. Этот аромат превратил ощущение радости в ощущение нестерпимого голода и жажды крови. Под шерстью пронеслись мурашки, мышцы наполнились силой, и Волчонок рванул вперед...

– Кто это? – слышались крики бегущих следом волков.

– Бык убьет его! – переговаривались они друг с другом, когда Владлак настигал жертву. Волчонок прыгнул к шее бы-

ка и крепко схватился зубами. Бык дернулся вбок. Обычный волк уже улетел бы, но тело Владлака стало свинцовым, он прокрутился у передних копыт быка и уперся лапами в снег. Противник перелетел через Владлака. Огромная туша сбила ближайшее дерево. Послышался хруст позвонков, и бык упал замертво.

Все охотники, включая Владлака, наелись на месте. Удивленные волки смотрели на выросшего волчонка и не могли понять, как ему удалось в одиночку завалить огромного овцебыка.

Остатки туши были поделены поровну, охотники потащили их в логово. Владлак прошел через все логово к Антаре и бросил к ее лапам большой кусок мяса. Она подняла морду и посмотрела на приемного сына.

– Ты что, был на охоте? – спросила волчица.

– И не просто был... – ответил ей пробегающий мимо волк. – Он в одиночку быка завалил.

– Я уже взрослый, мама... – сказал Владлак. – И могу добывать пищу сам...

Так Владлак стал лучшим охотником в стае. Часто он уходил на охоту один и приносил небольших кабанов или коз. Владлака уважали даже старейшие волки стаи.

Вожак стаи по имени Тамварк умер, и на следующий день нужно было выбрать нового предводителя. Волчонок не знал, как это делается, но по приказу Антары пошел со всеми. Стая собралась в круг. Вдруг в центре круга на-

чалась драка двух волков... Один пытался прижать к земле другого. Владлак подумал, что волки не должны драться друг с другом, и прыгнул в центр. Он взял за шкуру одного волка и выкинул далеко за волчий круг. Второй волк прыгнул на Владлака, но его уже не было на том месте. Выросший волчонок приготовился и ждал, пока волк повернется боком, и тотчас же врезал ему двумя лапами в бок, что сбilo соперника и несколько волков за ним. Владлак обернулся, ожидая дальнейших нападений. Но вместо этого увидел, что волки в кругу преклоняют перед ним головы. Волчонок подумал, что это могло бы значить? И услышал голос приближающейся матери:

– Ты новый вожак, Владлак!

– Нет, как! Я слишком мал, чтобы быть предводителем, я еще многого не знаю, – сказал растерянный волчонок.

– Стая выбирает тебя... – произнес кто-то из круга.

– Я помогу тебе... – поддержала Антара.

Проходили годы. Стая жила своей жизнью. У Антары и Владлака появились маленькие волчата, которые очень любили своего отца. Последний же стал истинным вожаком, он учил молодняк тому, как охотиться и как самому не стать жертвой. Владлак заботился о стае и очень любил Антару и детей.

Они были счастливы до тех пор, пока темные силы не стали подбираться к этим землям...

Тепло моей руки ты забери с собой.

Я силою любви пленен одной тобой.

Я, как покорный раб, как преданный щенок.

Ты только дай мне знак, и я у твоих ног.

Прости, пора бежать... Ведь лес – мой дом родной.

Когда начну скучать, ты будешь слышать вой.

И я приду к тебе, я твой навеки раб.

Возьми тепло себе – тепло двух волчьих лап...

9. Земля человека

Волк убежал далеко от стаи. В низовье лощины он увидел людей. Он крутил мордой, пытаясь лучше рассмотреть их. Подул ветер, и он испугался, что неутолимая жажда опять будет управлять его волей... Но запах двух хрупких девочек не вызвал у него аппетита. Наоборот, на сердце стало тепло, а в животе щекотало волнение, которое уложило волка на пузо. Он положил морду на лапы и с любопытством наблюдал за тем, как они собирали ягоды. Волк вдруг осознал, что понимает их речь. Девочки уходили дальше в лес, а волк тихо побежал за ними...

Владлак оказался на окраине леса. От людей его закрывали только пышные ели. На миг он задумался о том, какие прекрасные создания эти люди, вот бы пообщаться с ними поближе...

Голова Владлака закружилась, его склонило в сон, он упал на землю возле старой елки и потерял сознание. Когда он очнулся, первым делом увидел человеческую руку, лежащую перед собой. Владлак восторгнулся и хотел убежать, как вдруг понял, что это его рука. Двухрукий поднялся на две ноги. Он разглядывал себя. Обнаружил на себе одежду. На нем были кожаные брюки, плетеная обувь и кожаная мантия. Владлак потрогал руками свое лицо, плетеную кожаную жилетку на груди. Это было ни с чем не сравнимое ощущение.

На вид он стал молодым человеком около двадцати пяти лет. От волка ему достались темно-серые волосы средней длины. Такого же цвета полосы были видны на его брюках и мантии от капюшона до низа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.